
Об ударных и очередных задачах Дарвиновского Музея

1937?

Александр Федорович Котс

Едва ли можно указать другую область умственной культуры и ее служения, в которой общепризнанные истины сплетались бы так тесно с рядом неосознанных ошибок, фикций и противоречий, как то наблюдается в музейной практике. И это потому, что в сфере человеческой культуры нелегко назвать понятие более сложное, расплывчатое и суммарное, чем столь простое с виду, многозначное по существу, понятие «Музея».

И действительно, чего только не входит в это слово? Тут — и собственно научная работа, — добывание новых истин, — и пропагандистская — распространение уже известных; создание новых экспозиционных ценностей и сохранение существующих. Обслуживание ученых и широких масс, т.е. людей предельно разнящихся по развитию и возрасту; — служение науке, но с учетом эстетического восприятия; — приобщение к незыблым основам позитивных знаний и учитывание «запросов дня»; — работа экспозиционная в музейных залах и работа на периферии, выездными лекциями и выставками-передвижками; — обслуживание школ и фабрик; — консультация и помощь местным школам и музеям; — подготовка кадров препараторов и экскурсоводов, скульпторов и живописцев, педагогов и музейцев... Таковы главнейшие разделы деятельности современного советского музея.

Но быть может самым сложным по многообразию работ являются музеи того нового, на западе не существующего типа, представителем которого является наш Дарвиновский **Музей**.

И в самом деле! Какова его тематика — не та, что так легко передаваема в формальном и словесном выражениях, но та, которая фактически отображается в стенах Музея и — увы! загромождает запасные комнаты, подвалы, чердаки, площадки, лестницы и складочные помещения..

Таксидермические препараты («чучела») от крохотных колибри до гигантского слона, многометровые картины и монументальные скульптуры, бюсты и портреты выдающихся ученых, призванные красочно, наглядно отразить важнейшие основы эволюционного учения, главнейшие моменты и события в истории науки, имела ее великих провозвестников. Можно уверенно сказать, что ни в одном музее мира не хранится на такой скромной площади такое уникальное по многогранности собрание ценностей, как эти частью распыленные по разным этажам научные и художественные документы — отражающие связь науки и искусства, сочетание естественно-научных и гуманитарных знаний.

И, однако, как ни ценно по себе это собрание, имеется еще один момент, безмерно повышающий его значение и оттеняющий характер, стиль работы Дарвиновского Музея от аналогичной с виду деятельности других музеев, его скромных, а порою и нескромных, поздних подражателей. Мы разумеем тот необычайный в практике музеев факт, что подавляющее большинство всех экспонатов Дарвиновского Музея не было приобретаемо в готовом виде, но систематически и планомерно создавалось в помещении Музея, силами его сотрудников.

Сказанным определяется характер, темп и содержание работ Музея:

1. Писание научных монографий (по эволюции морфологии и зоопсихологии).
2. Разработка новых методов в музейном деле.
3. Издание означенных трудов.
4. Набивка чучел от слонов и тигров до мышей и крыс.
5. Создание скульптур (портретных бюстов и зверей и птиц).
6. Писание картин по Зоологии и истории культуры.

7. Обслуживание массовых экскурсий.
8. Индивидуализированное обслуживание одиночных посетителей.
9. Экспозиционные работы в Выставочных залах.
10. Организация Выставок-Передвижек вне музея.
11. Организация выездных лекций.
12. Консультационная помощь школьным и заводским работникам.
13. Снабжение школ наглядными пособиями.
14. Работы по охране фондовых материалов от света, сырости, моли и других вредителей.
15. Постановка опытов по Генетике над мелкими животными для получения экспериментального выставочного материала.
16. Связь с местными музеями и отдельными музейными работниками.
17. Обеспечение музея научным материалом путем обмена и покупки (прежде всего через связи с производством — Холодильником Союзпушнины).
18. Обеспечение всех работ Музея требуемым техническим материалом (в большей своей части — дефицитным!)
19. Содействие подготовки смены — художников и препараторов.
20. Содействие подготовке кадров научных и музейных работников.

Таковы главнейшие разделы деятельности **Дарвиновского Музея** и учитывая более, чем скромный персонал Музея (6-7 штатных и 3-4 внештатных работников-производственников) естественно спросить: насколько совершенно вся эта работа выполняется?

Со всей определенностью приходится признать, что разные разделы выполняются неодинаково успешно и что, как и во всяком учреждении и коллективе, есть в работе Дарвиновского Музея и «широкие» и «узкие» места. Так, обеспечив за собой одно из первых мест в стране (а может быть и за пределами ее!) по пунктам 1 — 7 и не плохие результаты по значительному большинству других разделов Дарвиновский Музей доселе слабо преуспел по некоторым пунктам, как разделы 8, 11 и 20.

И теперь является вопрос: чем объяснить эту неравномерность результатов? Почему одни разделы выполнены в «боевом размахе», а другие словно отодвинуты «за линию огня» в резервы, частью даже обретаются в тылу?

Ответ определяется самой сущностью работ Музея, находящегося в разгаре самого усиленного роста и строительства. Не плохо выполняя ряд очередных, текущих, основных обязанностей по обслуживанию массового посетителя (заяв в этой работе одно из самых первых мест среди музеев всей Москвы!) Музей наш занят всего прежде подготовкой к полному развертыванию своей работы и своих сокровищ в проектированном собственном здании. Для этого «Музея Будущего», а не для теперешнего, загруженного до полного отказа, пары зал велась сорокалетняя работа основателя Музея, разрабатывалась им новаторские методы показа и обслуживания зрителей. И не для этой пары зал изготовлялись тысячи естественно-научных препаратов, сотни замечательных картин или скульптурных экспонатов, не имеющих ни в одном музее мира...

Мы подошли к разбору кардинальной трудности, знакомо подавляющему большинству музеев и с которой наш музей столкнулся с первых дней его существования — к вопросу о «разрыве» между оформлением «идеи» и ее конкретным выявлением в музейной практике.

И в самом деле. В полное отличие от техники писания книги — создание всякого «Музея» сталкивается всего прежде с прозаическим вопросом о наличной кубатуре помещения.

Эта связь «идеи» и ее «топографической оправы» мыслима в двойном виде:

Либо содержание Музея предопределяет его стены,
Либо — стены предопределяют содержание Музея.

Первый случай представляется как будто более нормальным, но на деле известно, что рациональное развитие музеев всего чаще разбивается как раз «о стены», о «кирпичные препятствия» и далеко не всякому Музею удается развивать экспонатуру параллельно расширению музейных стен.

Гораздо чаще стены отстают от содержания и подбор экспонатуры происходит без особого учета кубатуры помещений, но с расчетом на последующее расширение последних.

Наконец бывают случаи, когда несоответствие между размахом, темпом разрастания экспонатуры и музейных стен настолько велико, что никакая их увязка невозможна и Музей, как целое в своем развитии и росте должен ориентироваться на будущие стены и на будущего потребителя.

Но именно в таких условиях, работая «на склад» и «про запас» слагался в свое время Дарвиновский Музей.

Достаточно запомнить состояние Музея 40 лет тому назад: все экспонаты размещались в паре небольших шкафов, располагавшихся в студенческой каморке пишущего эти строки. И невольно зарождается вопрос, что если в упомянутую пору основателю «Музея» было бы предложено «не забегать вперед», «Не зарываться», не рассчитывать на будущее, а всецело исходить из данной в ту пору ситуации, реальных и фактических возможностей имевшейся в то время площади двух небольших шкафов. Можно уверенно сказать, что при такой политике «протягивание ножек по одежке» — не было бы Дарвиновского Музея и понятно почему: цветочные горшки меняют, заменяя на все большие только по мере разрастания цветка!

Сказавши определяется характер деятельности Музея с самых первых лет его существования — в бытность его собственностью основателя.

Располагая очень скромным ежегодным фондом в пару тысяч золотых рублей, (сколачиваемых из ассистентских жалований и частных заработков (от давания уроков иностранных языков и переводов) основатель Дарвиновского Музея уже проэцировал Музей на «будущие стены».

Обладая площадью в пару квадратных метров будущий «Музей» уже планировался на десятки метров, а заполучив эти десятки — он пророчески предвидел сотни метров. Ныне, обладая сотнями квадратных метров — мы планируем на тысячи и только так, работая с учетом будущих возможностей, с учетом будущего роста стен, предвосхищая это будущее, а не ограничиваясь настоящим, не цепляясь за него, Музей наш смог развиваться в учреждение мирового ранга.

Как всякий развивающийся организм и Музей наш должен развиваться, исходя из внутренних условий и законов роста, а не применяясь к переходящим стенам, не боясь их неизбежного перерастания, опасаясь только одного — застоя и «топтанья на месте».

Хорошо известно в истории громаднейшего большинства музеев, а рост музейных стен всегда неизменно отставал от роста содержания музея. Такова причина, побуждающая большинство музеев разбивать свою работу на два фронта: на устройство существующих и разработку «будущих» музейных зал.

Однако, хорошо оправданная для сложившихся музеев, эта провизорная работа «про запас» становится особенно необходимой для музеев, возникающих заново и требовать, чтобы такой вновь образуемый музей в любое время полностью отображал всю экспонатуру в выставочных залах, требовать такую «синхроничность» создания и показа экспонатов, можно только не считаясь ни с историей, ни с физикой (непроницаемости вещества), ни с логикой музейной практики.

Всегда и всюду при организации музеев (как и при любом культурном начинании) содержание опережало форму, мысль — ее внешнее отображение. Именно таким путем слагались величайшие музеи, как Британский или наш академический и все крупнейшие научные произведения великих авторов от Ньютона до Дарвина и Спенсера. И как нелепо было бы потребовать от Дарвина — немедленно опубликовать свои теории, а не вынашивать их двадцать лет, работая «на склад», в такой же степени несправедливо упрекать

организаторов «Музея Дарвина» в работе «про запас» и требовать, чтобы продукция, картины, препараты и скульптуры размещались бы немедленно по выставочным залам.¹

??ористам — теоретикам полезно помнить, что концепция идеи, воплощение ее в экспонатуре и строительство музейных стен задачи разного порядка. Первое — всецело может быть во власти автора, второе только при наличии необходимых средств и человеческих талантов, третье — дело государства и общественных организаций.

Такое возмещение текущей массовой работы со строительством «музея будущего» есть единственный возможный путь развития и роста учреждения. Ибо, как нелепо положение некоторых музеев, проводящих большую часть времени в «резкспозициях», также безрадостно и состояние других музеев- выставок, которые закончив в пару лет свою несложную и легковесную экспонатуру успокоились бы на достигнутом, сказав, что «дела нет — все переделали!»

Этот упрек в работе «про запас» понятен лишь в устах людей, не знающих, как создавались учреждения мирового ранга, не желающих понять, что начинания непреходящей ценности готовятся годами, с «терпеливой, верной преданностью», а не по принципу: «из руки да в рот».

Можно уверенно сказать, что все решительно Музеи крупного масштаба проходили состояние «скрытой инкубации», малозаметной с виду длительной и кропотливой подготовки. Но даже более того и после своего открытия музеи эти разве не обязаны расти и развиваться — не взирая на «кирпичные препятствия»? Или, может быть, достигнув временного соответствия между объемом помещения и «экспозиционной мощностью» Музей имеет право уподобиться тому лентяю из одной восточной повести, который на вопрос, зачем его народ так мало деятелен, отвечал: «Нет дел — все переделали!»

Эта работа «про запас» или «на склад» вполне закончена и логически необходима, вытекая из высоких требований, предъявляемых нашим Музеем к содержанию экспонатуры и методике показа. В полное отличие от большинства биологических музеев, ориентирующихся на совсем неподготовленного зрителя, или наоборот, на специалиста-знатока предмета — наш Музей исходит из позиции, удачно сформулированной так недавно выдающимся писателем-антифашистом запада Лео Фейхтвангером: «На долговечность может претендовать лишь то произведение, которое волнует и массы, и знатока.»

И в самом деле. Нет ничего легче, как «координировать» экспонатуру с кубатурой помещения Музея: стоит лишь довольствоваться легковесным материалом виде схем, плакатов, фото, диаграмм, легко приспособляемым к любым простенкам, без труда сменяемым по мере роста или уменьшения имеющейся площади. Однако экспозиция такого рода неспособна «волновать» ни знатоков, ни массы. И, наоборот, волнующая и полноценная экспонатура создается месяцами и годами, при заблаговременном учете будущих итогов и возможностей, предвосхищая, предваряя, предопределяя их. Всегда и неизменно жить «с запросом» творчески опережая жизнь, а не плывя пассивно по течению — такова несложная премудрость, применимая ко всякой творческой работе и особенно в музейной практике, при создании нового музея.

Пусть не сразу оправдаются затраты — материальные и творческие — при такой работе «в прок», «в запас». Посеянное любящей и знающей рукой хорошее и полное зерно даст своевременно и добрый плод, окажется, хотя и с запозданием, вполне рентабельным.

И здесь уместно привести слова Иосифа Виссарионовича **Сталина**², им сказанные по адресу людей, не научившихся и не желающих ждать: «На рентабельность нельзя смотреть торгашески, с точки зрения данной минуты. Рентабельность надо брать с точки зрения общенародного хозяйства в разрезе нескольких лет. Только такая точка зрения может быть названа действительно ленинской, действительно марксистской.»

Это во первых, а теперь второе.

Очень часто приходилось пишущему эти строки слышать возражения и упреки по адресу о неравномерности работ, вводимых нашим Музеем, о выпячивании одних сторон в ущерб другим, и, в частности, упреки

¹ это повторное сравнение музея с книгой в данном случае особенно несовершенно потому, что подготовленные к печати рукописи могут быть известны только авторам, работы же музеев «про запас» не исключают параллельного использования уже готовых зал.

² И. Сталин. «Итоги Первой Пятилетки» (Ленин — Сталин. Сборник произведений по истории Партии ВКПб. Том III-й, 1937г. стр. 555.

в увлечении работами по созданию новых экспонатов, подлежащих полному использованию лишь в будущем, при получении собственного здания.

На эти возражения и упреки можно было ответить ссылкой на одно воззрение Владимира Ильича, снова и снова приводимое в речах т. Сталиным: «недостаточно быть революционером и сторонником Социализма или Коммунизма вообще — говорит Ленин — надо уметь найти в каждый данный момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить переход к следующему звену³»

Надо «выделить — так поясняет т. Сталин — ту именно очередную задачу, разрешение которой является центральным пунктом и проведение которой обеспечивает успешное разрешение остальных задач.»

Такой очередной задачей и центральным пунктом и звеном в данный момент является использование уникальных сил, имеющихся в распоряжении Дарвиновского Музея — замечательной бригады препараторов, художников и скульпторов, — использование уникальных материалов, накопленных в течение более полувека и единственно могущих обеспечить полноценное, не имеющее себе равного содержание будущего Дарвиновского Музея, одинаково волнующее и знатоков и массы и достойное Советской родины и ее столицы.

Производственные работы Дарвиновского Музея

1. Писание научных монографий (по морфологии и зоопсихологии).
2. Издание этих трудов (напечатано свыше 2.000 страниц).
3. Разработка новых методов музейной экспозиции.
4. Набивка чучел зверей — от слонов до мышей и крыс.
5. Создание оригинальных скульптур (портретов, бюстов и анималист.).
6. Писание оригинальных картин по Зоологии и истории Культуры.
7. Обслуживание массовых экскурсий.
8. Индивидуальных посетителей.
9. Экспозиционные работы в Выставочных Залах.
10. Организация Выставок-Передвижек.
11. Организация Выездных Лекций.
12. Консультация школьных работников.
13. Снабжение школ школьными пособиями.
14. Работы по охране фондовых коллекций.
15. Постановка опытов с животными (мышами, крысами, морскими свинками для музейных целей).
16. Связь с местными музеями.
17. Связь с шефной фабрикой (консультация, разборка научных материалов).
18. Обеспечение Музея новыми научными поступлениями.
19. Содействие подготовке смены художников и скульпторов.
20. Содействие подготовке смены научных и музейных работников.

³ XXVII — стр. 82. И. Сталин. Вопросы Ленинизма. Изд. X — 1936г. стр. 58- 59. Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению Истории ВКПб, Том III-1937г. стр. 406